

ИЛЬЯ ТАМБОВЦЕВ

СТАЛКЕР.

ЦЕНА

ЖЕЛАНИЯ

Илья Тамбовцев

Сталкер. Цена Желания

<https://litres.ru/72539920>

Аннотация

<p>Трое сталкеров отправляются на ЧАЭС и находят глаз ночи - самый редкий артефакт в Зоне. Согласно легендам, он может убирать с пути сталкера аномалии, которых в ЧЗО полно. А это открывает дороги к Исполнителю Желаний. Но двое сталкеров погибают, пытаясь уйти со станции с добычей. Вместе с ними теряется и артефакт. Выжившему сталкеру предстоит соединиться с группой ходоков, среди которых есть и предатель, и легенда Зоны, и снова найти артефакт, потому что его задача - ослабить Зону, которая начинает расти и захватывать остальной мир. Он - не такой простой сталкер, как кажется на первый взгляд...</p>

Трое сталкеров двигались по старой асфальтированной дороге, окруженной по бокам непролазными, глухими и бескрайними лесами, в сторону Чернобыльской станции. Над густой, зеленой, слегка рыжеватой от радиации листвой, возвышалась антенна «Дуга», одинокая, брошенная и внушающая страх. Вокруг нее расположились невысокие постройки Темной Долины, многоэтажки Военного Города и холмистые урочища Тихих Холмов. В бледно-сером небе золотилось солнце. Его яркое пятно постепенно затягивалось оранжевыми, перемешанными с белыми, вечерними облаками, медленно плывущими огромной стаей далеко за горизонт, перекрываемый станцией и лесом. Закат горел алым огнем. Нетипичный для Зоны теплый воздух хранил в себе тишину, заполненную легким дуновением душного ветра, тихим шелестом листвы и непривычным пением мутировавших птиц.

Даже не верится, что это опасная Зона. Она – отдельная, совсем другая реальность, со своими законами и нормами, она не похожа на остальной мир... Иногда кажется, что Зона сама появилась. Трудно порой поверить, что здесь когда-то жили люди, в один прекрасный день покинувшие рай, который когда-то здесь находился и вдруг оказался адом. Адом, который стал разрастаться, пока люди, создавшие этот ад, пытались его забыть. А что здесь было до Зоны, до Первого Выброса, до аварии? Цветущие яблони, густые леса, горячий воздух и процветающий советский город. Этот рай исчез, и

на замену ему пришла Зона, построенная на руинах этого рая из пепла, твэла и графита под треск дозиметра.

Но как появилась сама Зона? Что она из себя представляет? Симбиоз аномальных явлений, возникших в результате атомной катастрофы и выброса странной энергии? Может она – лишь часть более ужасной катастрофы, которая скоро настигнет планету? Люди покинут свои города, и в них будут образовываться свои Зоны? Эти отдельные миры начнут разрастаться и вытеснять обычный и сами станут им, когда объединятся? Все будет гораздо хуже, чем здесь и сейчас, в таком случае. Зона меняет не только жизнь, но и людей, которые в ней находятся... Странно, но Зона существует уже давно, но понять, что она из себя представляет, до сих пор не удалось. Близкие к разгадке незаметно исчезали, словно Зона не хотела, чтобы они поведали истину человечеству. Что-то обязательно случится – в этом нет сомнений...

Группа сталкеров встала недалеко от «моста смерти», на окраине леса у какой-то синей постройки, находившейся перед ОРУ-330 – самым известным на ЧАЭС рассадником электр, чтобы чуть передохнуть. Все заросло. Кругом деревья и высокая трава. Чуть дальше был мост, который пролегал ржавыми металлическими балками над широким, немного мутным прудом, идущим откуда-то от станции к реке Припять, тянущейся вдоль до ближайшего живого города, проходя через всю Зону. Возле реки росли лишь небольшие леса, за которыми виднелись либо бесплодные радиоактив-

ные степи, либо трубы ЧАЭС. Берег у моста был покрыт высокой травой и закрыт крупными валунами. Тут и там из воды выглядывали невысокие, очень тонкие и кривые деревья.

– Эй, Куб! Чего встал? Ты идешь? – окликнул одиноко стоящего вдаль на обочине сталкера человек в противогазе, махая ему рукой, держащей автомат. Другая была ранена на последней охоте.

Куб ничего не ответил, лишь стоял и оглядывался вокруг, задумавшись о чем-то своем. Его поражала красота Зоны. Многие, как он считал, видят в Зоне только руины и радиационную опасность и не замечают, что природа здесь особенная, чистая, потому что сама восстановилась, и ей ничего не мешает расти, накапливать силу, чтобы идти дальше и разрастаться. Сталкер вспомнил рассказ одного старого охотника за артефактами, бывавшего за Припятью, в Заповеднике, про то, что в белорусской зоне отчуждения дома буквально срослись с деревьями (а они там очень высокие), и листва этих деревьев почти полностью закрывала стволы. Трава там ростом с человека, а на яблонях растут яблоки с голову. Цветы настолько красивы и необычны, что их сталкеры собирали и потом продавали вместо артефактов за пределы Зоны. Оказалось, что это новый вид цветов, которого на Большой Земле нет. И воздух за станцией такой чистый, что исцеляет от многих недугов и очищает сознание от переживаний и дурных мыслей. И солнце каждый день там светит. Именно так и выглядит сердце ужасной и опасной Зоны. Куб считал,

что основная сила Зоны заключается в природе ее, а заброшенные строения – лишь жалкие остатки присутствия человека здесь, ничтожные попытки поработить эту природу, которые скоро канут в небытие...

– Куб! – хрипло крикнул сталкер в противогазе.

– Иду! – ответил задумавшийся сталкер. Из-за респиратора его слова долетали до товарищей лишь каким-то приглушенным звуком, но человек в противогазе его понял. Фон в лесах и на дороге превышал нормы в несколько раз, так что лучше бы не снимать защиту.

Куб нехотя двинулся с места и пошел к товарищам, оглядываясь по сторонам, проверяя, не услышал их кто-нибудь, например: бандиты или фанатики.

Сам Куб был невысоким и худым. Светлые волосы вились на квадратной голове кудрями. Глаза голубые и маленькие, смотрели на все с любопытством. Нос прямой, рот тонкий, скрыт за старым самодельным респиратором из резины и вставок из советского противогаза. Издалека он походил на подростка, но Кубу было уже двадцать восемь. Сталкер был одет в сталкерский комбинезон «Заря», поверх которого был потертый и мятый бежевый плащ с капюшоном. На правом плече висел АК-12, который, судя по изолянту на цевье, много лет служит в бою и сменил не одного владельца. Наверное, он даже видел горы Афганистана. На левом боку висела сумка, лямки которой перекинуты через голову на правое плечо. В сумке была накидка от дождя и небольшой контейнер

для артефактов, вмещающий в себя только четыре слота для аномальных образований, из них три занимали артефакты для ослабления воздействия радиации на организм. Также в сумке находилось несколько обойм для автомата и пистолета, висящего на поясе рядом с детектором, счетчиком Гейгера и ножнами с ножом. Кобура и ножны были сделаны Кубом из кожи болотного кровососа.

Тихий, но преданный своему делу сталкер Куб, несмотря на молодость, уже не помнил свою жизнь до Зоны. Пришел он в этот отдельный мир три года назад, но что именно его привело – он сам не помнил. То ли ему было скучно в сером и душном городе, то ли нужда в деньгах – как и многих – заставила сюда прийти... Но Кубу здесь нравилось. Он вступил в крупный сталкерский клан на Агропроме и увидел в Зоне второй дом. И в клане работа появилась, а с ней и деньги пришли. Куб выполнял заказы на поиск артефактов или доставлял какую-то информацию, потому что рацией было опасно пользоваться – военные могли прослушать. Куб был ловким, быстрым и надежным сталкером, поэтому ему можно было доверить такое дело. Поговаривали, что у него самая чистая репутация в Зоне.

– Ты чего встал-то? – спросил сталкер в противогазе, когда Куб дошел до него. Голос у него был севший.

– Да так, задумался, – ответил Куб. – А ты чего кричишь, как петух по утрам?..

– Как бюер в брачный сезон, – вставил неожиданно тре-

тий сталкер – Атом.

– Во-во, – подтвердил Куб посмеиваясь. – Ты и так простудился, а еще орешь. Я молчу про то, что ты согласился идти с нами в поход.

– Иначе вы заблудитесь или не дойдете до ЧАЭС, – заявил сталкер в противогазе. – Я опытный сталкер, все следы на этой дороге мои... А что мне в лагере делать? Суп из слепцов варить – Шефу мешать? Портки сушить? Нервы трепать Комару? Не-е-ет, где это видано, чтобы матерый сталкер, бывавший в Заповеднике, в лагере домохозяйкой прислуживал?

– Да Комар сам все нервы высушит кому захочет! Да и нет его сейчас на базе! – возразил Куб.

– А кто такой Комар? – спросил Атом.

Этот сталкер приходился Кубу товарищем. Глаза из-за темного цвета казались маленькими и неброскими. На голове была балаклава, поднятая на лоб, став шапкой. Из-под нее выглядывали темные волосы, отросшие до плеч. Нос крупный и ровный. На правой щеке был шрам от удара зомби в виде трех черных и рваных царапин, которые не хотели заживать и часто гноились, из-за чего Атом уже три раза лежал в лазарете с инфекцией. Рот угловатый, губы потрескались из-за продолжительных и тяжелых болезней. На нижней челюсти росла щетина. За спиной висел на кожаных лямках купленный на черном рынке дорогой дробовик Remington и полупустой рюкзак. Атом переносил расходные предметы

и посуду. На нем была очень тонкая черная куртка, под которой ничего, кроме майки, наверное, не было. Ниже были старые джинсы и новенькие модные берцы.

Сам Атом не был местным сталкером. Если Куб с Гермесом – сталкером в противогазе – были с Агропрома, то тот пришел с Болот. Там он состоял в одном дружеском объединении сталкеров по интересам, где занимался продажей лекарств, которые перекупал на черном рынке у брата, доставлял в Зону и продавал втроедорога наивным новичкам. Только потом ушел с Болот на Агропром по «неизвестным» причинам. Кто-то рассказывал, что Атом ушел из-за долгов, кто-то говорил, что он испугался высланных за ним наемников... Сам сталкер ничего про себя не рассказывал даже своим друзьям. Вообще в лагере он держался подальше от остальных, только с Кубом общался. Наверное, все-таки боялся, что его найдут наемники и заставят платить долги. Можно даже сказать, что сталкеры с Агропрома ему не нравились. С торговлей он завязал и ведет теперь обычную сталкерскую жизнь, хотя она ему не сильно дается.

– Ты что? Это лидер на нашей базе, – пояснил Атому Куб.

– А торгаш тогда у нас кто?

– Рублев. Это его прозвище, – ответил Гермес.

– Ну хорошо, что не Долларов, – шутя сказал Атом.

Сталкеры неопределенно усмехнулись и пошли дальше. ЧАЭС была уже близко. Комар, главарь клана, вместе с лучшими бойцами отправился на Свалку, чтобы уничтожить

группу сталкеров-диггеров, перешедших под крыло бандитов, и Куб остался без дела. Вместо того, чтобы отсыпаться, Куб решил сходить до станции за артефактами. Все-таки патроны и еду нужно на что-то же покупать. Идти на станцию одному действительно опасно и далеко, поэтому он взял Гермеса – проводника и опытного сталкера – и Атома, с которым Куб недавно на охоте подружился. Атом сразу согласился идти на станцию, хоть тогда в его глазах и промелькнула непонятная искра не то страха, не то наживы. Гермеса и спрашивать не пришлось. Он как узнал, что сталкеры идут на ЧАЭС, сразу напросился в проводники, лишь бы не сидеть в лагере. Куб был не против, только его смущала простуда опытного сталкера. Он ни разу не видел его здоровым. Как бы болезнь не сыграла с группой злую шутку...

Путь от Агропрома до ЧАЭС лежал через Тихие Холмы, Военный Город и восточную часть Темной Долины. Сталкеры не пошли прямо потому, что в Чернобыле сейчас полно мутантов, с которыми вместе пытаются справиться «Долг» и «Свобода», а в Копачах полно бандитов. Пришлось идти в обход этих территорий. Почти весь путь сталкеры преодолели за два дня, потому что знакомые Гермеса согласились довести группу до восточных окраин Темной Долины через Тихие Холмы на своей машине, похожей не то на бронетранспортер, не то на автобус. Колеса крупные, способные проехать по любой местности, вместо кабины – вагон, обшитый свинцовыми листами, и спереди где-то двигатель, закрытый

капотом от грузовика. Но ехало это корыто довольно быстро, несмотря на внушительные размеры. От Темной Долины до «моста смерти» сталкеры шли пешком, целый час проходя густые заросли порыжевших лесов. На дорогу они вышли недавно, уставшие и изнеможенные.

Гермес вдруг остановился и сказал:

– Передохнуть надо перед станцией. – И сел на берегу. По его тяжелому дыханию можно было понять, что он выдохся. Сталкеров, шедших несколько часов по непролазному Рыжему лесу с тяжелыми рюкзаками, утомил путь.

– Привал?! До станции рукой подать! – возмутился Атом, у которого, кроме дробовика, не было никакой тяжести.

– Если твоя рука километр, то да, – спокойно ответил Атому Гермес и взглянул на свой дозиметр. Уровень радиации в норме.

– Да давай остановимся, что ты? – начал уговаривать своего друга Куб, снимая респиратор и тяжелыми от усталости вздохами падая на землю возле Гермеса. – К тому же ночь начинается. На станции по ночам опасно шляться. А нам еще возвращаться потом как-то. Эх, классно было в той машине, Гермес. Это же надо было додуматься поставить вагон на тракторные колеса и внутри все обделать, чтобы уютно было!

– А то! Там до урочищ недалеко, тащить хлам и технику близко им, вот и делают вездеходы и дома на колесах. Не то что нам, которым диггеры пару жестяных банок пожидали.

Гермес снял противогаз и капюшон. Весь жаркий день он

проходил в них и только вечером, когда начало холодать, решил снять. Открылось лицо с тонкими чертами и жирными черными волосами, прилипшими к голове. Большие круглые глаза с морщинами по бокам блестели слезами от простуды, а рот с багровыми обветренными губами не закрывался. Кожа имела бледный оттенок. Гермес, несмотря на свое прибывание в Зоне уже почти десять лет, выглядел молодым парнем. Но во взгляде была какая-то тяжесть, свойственная взрослым людям. Что-то личное и секретное таилось в его глазах. Из одежды у сталкера были черный кожаный плащ, под которым был серо-синий комбинезон, и резиновые сапоги. За спиной висел старый мешок, завязанный в узел веревками, служившими ляжками, и АК-74, у которого некоторые детали были от какого-то натовского автомата. Видно, автомат Куба – еще не самое древнее, что могло быть.

Гермеса знают как опытного сталкера. По слухам, он один из тех, кто пришел в Зону сразу после Первого Выброса. Но сталкер это всегда отрицал. Он прославился тем, что первым побывал в Заповеднике – месте, где исполняются желания. Он занимался охотой, и сталкерское ремесло – добыча артефактов – не интересовало его, и в Заповедник он попал случайно. Гермес отличался от всех сталкеров честностью и отзывчивостью. Сталкеры его уважают и всегда обращаются за советом. Только конкретно о его прошлом никто ничего не знает, даже такие же старые сталкеры, как он. И непонятно, почему он всегда простужен.

– Куб, сходи за дровами для костра, а я пока что разложу все, – сипло сказал Гермес, шмыгая носом и утирая слезы.

Куб поднялся и ушел в лес. Подходя к нему, он ненадолго остановился и прислушался к тишине. Даже птицы не пели, стоял только легкий шелест листвы. . .

Гермес сначала положил свой автомат на землю рядом с собой, а потом стал развязывать мешок и доставать консервы, хлеб, воду в фляжках. Атом остался стоять у моста.

– Ну мы же успеваем еще! – не унимался Атом.

– Мы ночью тогда окажемся в саркофаге.

– Разницы нет, что утром туда придем, что сейчас! Один хрен там опасно!

– Вот поэтому сейчас и привал. Лучше передохнуть перед жаркой ночью, а то ты в саркофаге будешь ныть, как устал. А там не до усталости будет! Мы и так два дня подряд не спали, шли сюда. Потом еще тащились по лесу, как последние грибники. . . Ты-то вообще не устал в своем «экзоскелете», а мы с Кубом натерпелись этих выюнков, бурьянов, торчащих из земли веток и радиоактивного мусора. А так сейчас отдохнем, наберемся сил и пойдем. В саркофаге особое энергетическое поле, как в храме Хатхор. Там сталкеры очень быстро устают, а потом начинают слышать голоса. – Гермес откусил от куска засохшего хлеба и запил его. – Поэтому лучше хорошенько выспаться. Нам надо только набрать артефактов побольше.

– Если там, конечно, будут артефакты. До этого артефакты

мы находили в других местах, – скептически произнес Атом.

– Они будут... Артефакты в саркофаге сами синтезируются в аномалиях, им не нужны выбросы, – пережевывая и шмыгая носом, сказал Гермес. – Достаточно лишь подождать, и начнет образовываться артефакт... Только там нужно быть аккуратным, потому что аномалий там по горло, и не каждая может не сработать и пропустить нас.

– Почему? Как это работает? – округлил глаза Атом, впервые слышавший, чтобы аномалии игнорировали человека.

Гермес на вопросы друга лишь пожал плечами, доел кусок, потом достал из кармана какие-то таблетки и проглотил их, запив водой из своей фляжки. На мгновение его лицо сделалось кислым и сморщенным. Видимо, от вкуса таблеток.

Немного успокоившись, Атом сказал:

– Я не думаю, что на станции сейчас тихо. Говорят, мародеры из Копачей к первому блоку ходили.

– Ну может быть, что там спокойно. А то, что бандиты ходили туда, – бред. Им нужен только Заповедник с его сокровищами. Но путь туда лежит через станцию и Припять. А лезть в эти места не хотят – слишком трусливые. Сам знаешь, что Припять – это радиоактивные непролазные джунгли и логова опасных мутантов. А если и ходили вдруг на ЧАЭС, то максимум за металлолом, которого там, как у Сидоровича консервных банок.

– А может, бандиты за артефактами в саркофаге пришли?

– Нет, они слишком трусливы, чтобы зайти в саркофаг. Знаешь, мы туда неспроста идем. Там есть одна очень редкая аномалия. Она дает артефакты, которые практически не находили никогда. Из-за постоянной смены нахождения ее мало кто видел. В Копачах, где бандиты обитают, по-моему, можно найти. Только не знаю где, там везде холмы с закопанными домами и пустыри. Но в Госпитале точно есть, видел один раз, только подумал тогда, что это кисель, сросшийся с туманом.

– В смысле?

– От аномалии исходили пары, как от киселя, плюс она выглядела, как кипящая вода, как аномалия холодец. Но я тогда думал, что это именно кисель из-за густоты и тягучести аномальной субстанции. А на туман я подумал, потому что аномалия была черной. Сам знаешь, когда попадаешь в туман, все темно перед глазами и ничего не видно. Эх, надеюсь, посчастливится нам найти эту аномалию. В противном случае, я не знаю, где еще искать нужные нам артефакты.

– В Госпитале нашел аномалию?

Гермес кивнул и принялся доедать начатый кусок хлеба.

– А почему мы сюда премся, если по логике могли бы на Агропроме найти? И что за артефакты она дает?

– Артефакты этой аномалии синтезируются только на ЧАЭС, – с небольшими перерывами проговорил Гермес. – Для появления артефакта нужна сильная радиация – она как катализатор для синтезирования используется. По крайней ме-

ре, так рассказывал сталкер, который получил артефакт. Он рассказывал, что артефакты могут убирать аномалии с дороги. А сильная радиация у нас только на станции, в Госпитале и Копачах, и аномалий там полно. Но на станции, под саркофагом, больше.

– Понятно... А что за Госпиталь? Что-то я не припомню это место, – Атом посмотрел на Гермеса и сел напротив него, достал из ботинка нож, открыл им консерву и тоже стал есть, набирая порции ножом.

– Атом, ты как будто первый день в Зоне. Это под Припятью. Туда ведет дорога из Копачей. Огромная такая больница, провалившаяся в землю во время Первого Выброса. Там обитают только контролеры, бюреры и зомби... И откуда им там взяться?.. А людей нет. А аномалия только одна: искомая. Только артефакты там не появляются. Сам знаешь, почему.

Атом разочарованно вздохнул и достал свой бинокль, оставив еду, посмотрел в него в сторону станции, не вставая.

Сзади них, со стороны леса, громко хрустнула какая-то ветка, и оба сталкера обернулись, готовя оружие. Был такой хруст, будто на ветку наступил кто-то очень огромный и тяжелый: химера или псевдогигант. Или это бревно раскололось. Встала идеальная тишина. Гермес прекратил есть, лег на живот, притянул к себе свой АК-74, снял его с предохранителя, дернул затвор и прицелился в лес. Атом встал и снял с плеча свой дробовик, дернул цевье и тоже прицелился в

лес. Никого не было. В той стороне не было никакого движения, и сталкеры начали осматриваться.

Гермес начал кашлять, подавившись от испуга твердым куском, перестав целиться и высматривать.

– Тихо, – шепотом скомандовал Атом.

– Как я тебе тихо буду кашлять? Совсем debil? Точно первый день в Зоне, – агрессивно ответил ему Гермес и продолжил кашлять.

Атом ничего не ответил и осторожными шагами прошел вперед к лесу, опустив дробовик. Сначала он был готов резко поднять дробовик и выстрелить, даже не задумываясь, кто хрустнул веткой, но, приближаясь к лесу, он чувствовал необъяснимый страх. Внутри него пронеслась мысль, что его нашли наемники, отправленные торгашом с Болот, у которого он когда-то занял деньги и не отдал. Но почему тогда еще никто из них не появился? А может наемник один? Тогда убить не составит труда. А вдруг их все-таки несколько, и они разделились, и часть схватит его здесь, а другая уже схватила Куба? Зачем им Куб... Страх нарастал... Атом резко обернулся к больному сталкеру. Тот, прокашлявшись, целился в разные стороны вдоль леса, потом поднял руку и показал жест, говорящий, что все нормально. Атом, все время оборачиваясь, пошел обратно к временному лагерю.

Как только он добрался до Гермеса, хруст повторился несколько раз. Сталкеры вновь подготовили оружие, но тут же опустили и облегченно вздохнули. Атом даже сматерил-

ся. Из леса вышел Куб с небольшой охапкой веток. Только лицо его было чуть-чуть бледным, но спокойным.

– Ты чего так пугаешь? – спросил Гермес.

– В каком смысле? – не понял Куб и кинул на землю охапку веток.

– Ты хрустел? – спросил Атом.

– Я. Там были лужайки, полностью заваленные огромными ветками. Пришлось карабкаться и перелезть, – спокойно отвечал сталкер.

Гермес спросил:

– Что с тобой? Ты какой-то бледный.

Куб промолчал. Сначала с помощью спичек разжег костер, о чем-то задумавшись, потом разложил свои вещи. То ли пытался прикрыть случившееся в лесу другими мыслями, то ли наоборот прокручивал это событие, чтобы разобраться в нем и рассказать товарищам. К этому времени уже заметно стемнело. Дни все укорачивались, и ночи быстро наступали. Небо окрасилось в темно-синий цвет, стало заполняться звездами. Листва деревьев потонула в ночном мраке, и леса превратились в черные неприступные, высокие стены. Стало холодно, порой дул несильный, но пронизывающий ветер.

Как только костер из сухих веток разгорелся, и небольшой огонь начал давать тепло и свет в вечерней темноте, как оазис воду посреди пустыни, Куб поднял к огню свои руки и начал греть. Атом и Гермес к этому времени поели и теперь молча сидели, греясь у костра и ожидая, когда Куб нач-

нет говорить. По постоянным вздохам последнего можно было понять, что сейчас он начнет рассказывать о случившемся. Потом Атом решил вскипятить воду для чая из сушеных листьев в специальном сосуде, а Гермес снял плащ, показав свой потертый серо-синий комбинезон, и лег на него.

– Ну? – спросил Атом, снимая сосуд с костра и доставая из своего рюкзака небольшую чашку, взятую давным-давно из заброшенного небольшого домика на Болотах.

Куб собрался с мыслями и начал:

– Ну пошел я собирать хворост. Подходя к лесу, остановился, немного постоял, полюбовался красотами Зоны и пошел дальше. Уже в лесу вдруг почувствовал что-то странное. Сердце стало колотиться, как бешеное, кровь от мозга отлила в ноги. Но все равно пошел дальше как ни в чем не бывало. С каждым шагом становилось все страшнее и страшнее, но я дошел до леса, не струсил. А в нем через каждую рощу пустыри, ветки лежат кругом. Наверное, из могильников вылезли... Стал собирать ветки, как вдруг перестал слышать! Пнул землю, так шороха не последовало! Прикиньте!.. Думаю, что вот, оглох я, а сзади лесная химера, и не услышу ее, а она меня... Собрал целую охапку и пошел обратно. Еле сдерживал себя, чтобы не бросить все и не побежать куда глаза глядят, не оглядываясь. Уже выходя из леса, услышал громкий такой хруст, будто псевдогигант на бревно наступил. – Гермес с Атомом испуганно переглянулись. Атом протянул Гермесу чашку с чаем и дал таблетки, которыми

когда-то торговал. – Обернулся – никого. Пошел быстрее, но ноги практически бежали. И вдруг опять звук пропал. В смысле, я перестал слышать все, что происходило вокруг, но слышал какие-то шорохи в голове. Остановился, бросил охапку и упал на колени, зажал уши. Слишком неприятными были эти шорохи. Раздался в ушах громовой чей-то голос. То ли мужской, то ли женский или вообще детский... Голос произнес только одно слово, обычное, человеческое, до боли знакомое, но как только ко мне вернулся слух, я забыл, что он сказал, будто ничего и не говорил. Тут я уже побежал, растеряв по пути половину веток. Наступил случайно на какую-то ветку, и повторился тот громкий хруст. Ветка небольшая была, тонкая, а хруст такой, словно сгнившее толстое дерево пополам разломал. Вдруг пошел пешком. Вышел из леса, меня и отпустило, и ноги успокоились, слух стал нормальным. Странные какие-то дела творятся в том лесу. Наверное, контролер там обитает. Только почему-то ему не удалось взять меня за мозги.

Атом ничего не сказал, только посмотрел на Гермеса в ожидании, что скажет опытный и повидавший многое сталкер, который понемногу отпивал чай, запивая таблетку, и размышлял об услышанном.

– Вряд ли это контролер. Примерно такие же явления ощущают сталкеры, когда подплывают к Заповеднику, – начал Гермес. – Страх, странные голоса, которые говорят непонятные слова... Но я впервые слышу, чтобы от этих явлений

пропадал слух. Возле самого Исполнителя звук становится тише, но не пропадает. И то становится тише, потому что голоса эти перебивают – голоса Зоны. Однако меня все это не коснулось, когда я там был. Или я просто уже не помню... Видно, и вправду там странные дела творятся. Зона меняется...

– Слушай, Гермес, – начал Атом, – а расскажи про Заповедник. Ты ж там был все-таки, получше других знаешь, что это такое и что там.

– Да я сто раз уже рассказывал про этот Заповедник, аж тошно! Жалею уже, что растрепал о нем всем, лучше бы в тайне оставил!

– Вот ты, Гермес, начал отрекаться от себя, так твое имя стали себе приписывать. Вон сталкер Бен какие байки про Заповедник рассказывает! Точь-в-точь, как у тебя, – сказал Куб.

– То есть, у меня байки? – обиженно спросил Гермес.

– Я не это хотел сказать. В смысле история, как у тебя. Бен из себя опытного сталкерюгу корчит, рассказывает, как погнался за плотью за Припять и приплыл случайно в Заповедник. А ведь его еще в Зоне не было, когда Заповедник открыли! – негодовал Куб.

– Дался вам этот Заповедник! Ну ладно, расскажу.

Тогда не было никаких «Сталкеров Военного Города», «Волков Агропрома», «Долга», «Свободы», и Зона принадлежала военным и только... В каждом домике сидели,

повсюду их можно было встретить. И наших военных, и ООНовских... Они всё отлавливали сталкеров, потому что те выносили артефакты из Зоны и радиоактивный мусор, который был не менее опасным, чем сама Зона. Тогда среди военных ходили слухи, что сталкеры более устойчивы к аномалиям, радиации, они более сильные и выносливые, словно их организмы подстроены под условия Зоны... Некоторых, как рассказывали, отправляли на опыты к ученым, других просто арестовывали за проникновение на секретную и опасную территорию. Оно понятное дело: тогда Зону воспринимали как конец света, новую катастрофу, которую нужно было срочно брать под контроль, и мы, смелые парни, пришедшие сюда заработать и узнать все тайны, которые скрывали от людей, нахрен не сдались властям, особенно с нашей деятельностью... Ну мы тогда расформировали все наши базы и разошлись мелкими группами по разным территориям, преимущественно на окраины, потому что там было трудно искать из-за растительности. Да и незачем. Не видно – значит, нет никого. Военные думали, что сталкеры в пустые и голые места не пойдут, им лишь бы место поопаснее, где можно заработать денег побольше и спрятаться в случае чего – военные ж не дебилы, в отличие от сталкеров, чтобы башку свою куда не надо совать. На Болотах мы прятались в камышах, в Темной долине – в лесах... Там настолько была густая растительность и настолько часто проходили густые радиационные туманы, что даже с пяти метров в упор нельзя было за-

метить нас. И так получилось, что я со своей группой пошел в город Припять. А этот город еще в те времена имел дурную славу: мол, сталкеры здесь пропадают, а под землей логова неизвестных и сильных мутантов. Но тогда город не был таким заросшим и непроходимым. Вообще изначально мы хотели засесть на самом севере Темной Долины, но там обжились ученые с охраной из военных, и нам ничего не оставалось, как уходить в Припять...

В общем, пришли и остановились в какой-то многоэтажке. Обжились там, основали свой лагерь и стали ходить в ходки за артефактами, которых было более чем много. Но некоторые из нас не доверяли артефактам, хоть они были и полезными, и стояли дорого, и вместо ходок отправлялись на охоту. Да и продавать некому было – все торговые пути были перекрыты военными. Я был в числе охотников. Конечно, тех опасных и неизвестных мутантов мы не нашли, зато Припять была богата плотями и волками, которых нам пришлось жрать.

Город был богат зомби, паразитами и торсами, обитавшими в Военном Городе до того, как туда пришли сталкеры во главе с первопроходцами – первыми сталкерами. Они-то и представляли главную опасность. На зомби не действовали наши пули, которые и так были в дефиците, а мы из-за этих ушлепков тратили их пачками. Да и сами они пачками ходили. Когда уже патроны и дробь подходили к концу, один наш охотник взял палку, вбил в нее кучу гвоздей и стал ею раз-

махивать. На удивление, это оружие оказалось гораздо эффективнее дробовика. Ха, помнится, мы после этого поклялись больше не смотреть голливудские фильмы, где зомби умирают от выстрела в голову из дробовика или Пустынного Орла... Мы себе точно такие же сделали палки и просто истребляли этих уродов целыми логовами. Это же оружие работало и против торсов, которые просто пугали нас своим безглавым видом, не говоря уже о том, что они могли без труда оторвать голову нам.

Потом стали попадаться паразиты. Это зомби, у которых вместо головы какой-то гриб-паразит, присасывающийся к мозгу и тем самым управляющий жертвой. Из-за таких много наших погибло, включая лидера... Причем большинство просто от заражения умирало, а меньшинство вступало по воле паразита в их ряды и погибало от нашей руки. Как же было тяжело убивать паразита, если он твой бывший товарищ... Но и этот круг ада мы выдержали, правда, многие заразились, но главное, что выжили. После того, как мы ушли из Припяти, зараженные сами сдались военным и отправились к ученым на лечение... Эх... Хорошие были ребята...

– А как в Заповеднике-то оказался? – спросил Атом.

– Тут необычная история вышла. Один раз пошел с товарищами на охоту, и начался выброс. Еда в лагере закончилась, и мы пошли охотиться на плотей. Друзья стали возвращаться в лагерь, побоялись выброса, а я так хотел жрать, что уже сходил с ума от голода, и шел дальше. Мне было плевать,

кого я встречаю: зомби, паразитов... Да хоть псевдогиганта! Даже плевать на выброс было! Небо краснело, земля дрожала, а я шел посреди улицы за убегающей свиньей. Она скрылась в подвале какого-то дома, я за ней. Переждали с ней выброс. Царапала мне своей клешней руки, не давая подойти, а подвал был маленький. После выброса она выскочила на улицу и побежала на Север, где сейчас Неизведанная Территория.

Добежал я до лесов, но плоть не останавливалась и двигалась уже за них, но вдоль берега реки. Мне тогда все равно было, что там дальше, и просто бежал. Мне даже плевать было на радиацию. Началась река. Плоть прыгнула в нее и поплыла на север. Я за ней. Там рядом лодка брошенная была, сел в нее и поплыл за животным. Ну и изворотливая была эта сволочь. Все обоймы расстрелял на нее – у меня тогда Сайга была, а не автомат. Я плыл за плотью уставшим, беззащитным, дико голодным, но яростным и целеустремленным.

Я даже не заметил тогда, что вокруг реки были густые зеленые заросли то ли кустов, то ли деревьев, а на самой реке – гравитационные аномалии. Просто плыву и плыву, ничего не замечаю. Это уже я потом узнал, что на реке Припять лабиринты из аномалий располагаются. Слышал, что есть артефакт, который тебя сам ведет между аномалиями, но я в этом не уверен. Думаю, что здесь огромную роль играют удача и сталкерское чутье...

Плыли мы долго и наконец достигли берега. Она еще не

успела ступить на землю, а уже бежит куда-то и ведет себя так, будто не знает, куда бежать. Абсолютно все мутанты, которые заходят на незнакомую им территорию или туда, где нет их сородичей, так странно себя ведут. Это я понял спустя два года, когда увидел на ЧАЭС испуганного псевдогиганта. Они живут в лесах и среди зданий плохо ориентируются. Также и здесь произошло... В общем, спрыгнул с лодки в воду и побежал. Вода как раз была по пояс, и я стал ее догонять. Пока она бегала на месте, добрался до нее и схватил крепко за клешню. Дернул резко – вырвал. Плоть завизжала и со всей дури побежала куда-то. Я, обессиленный и уставший, упал на берег и все. Увидел, как плоть ударилась головой о какое-то дерево и, визжа, тоже завалилась на землю. Я потерял сознание. Она, думаю, тоже.

Спустя какое-то время я встал. Голова кружилась, ноги подкашивались. Тело ослабло. С трудом прошел пару метров и вышел на заросшую дорожку, ведущую вправо, в какое-то поселение. Слева тропинка вела в дремучий, но красивый лес, простиравшийся дугой к поселению. Сквозь высокий бурьян и густые заросли растительности вырисовывались остатки деревянных домов. Чуть далее стоял целый и нетронутый дом, который обматывался толстыми, кривыми ветками, словно лианами. А рядом с домом было старое и огромное дерево с прозрачной листвой и ярко-белым стволом! Seriously, я вижу очертания листочков, но самих их не вижу! А ствол, казалось, светится. Перед этим домом я раз-

глядел покосившийся забор, а за ним – гравитационную аномалию. За тем домом с деревом шли руины и какие-то постройки, которые нельзя было назвать домами, скорее сараями.

Я решил подойти к дому с деревом, и с каждым шагом ствол светился сильнее и сильнее. Мне интересно стало, что это за светящееся дерево и что с домом. Оно меня манило своим свечением. Возникло такое ощущение, что меня что-то ведет к этому месту, не я сам иду, а сам свет меня притягивает. Подходя к забору, свет полностью залепил мне глаза. Ничего не видел: ни травы, ни дерева, ни забора, ни ясного неба над головой. Я встал, закрыл рукой глаза и на ощупь начал искать забор, чтобы найти вход, потому что перелезть было опасно – могли затащить гравитационные аномалии. Я чувствовал, что они тянутся вдоль всего забора, и детектор на поясе подтверждал это.

Свет стал ослабевать по мере того, как я подходил к калитке. Дойдя до нее, свет стал рассеиваться в центре. Теперь я видел дорожку, ведущую в дом, но по краям все равно был свет. Я пошел по дорожке мелким шажками, держа перед собой руки. Вдруг остановился, накинул капюшон, опустил голову, чтобы на глаза не попадал свет, которой внезапно начал обратно нарастать. Глаза уже не могли его терпеть. Они болели; я думал, что ослеп уже. У самой двери свет пал с глаз и остался позади, на дорожке. Я обернулся и посмотрел на свет. Он по-прежнему ярко светил, но ничего уже не де-

лал с моими глазами. Я вернулся к двери. Каким-то образом пропустил дерево, хотя изначально шел к нему. Свет вел меня именно к дому, не давал свернуть к дереву. Только через минуту я разглядел возле дерева телепорт. Зайти очень хотелось, что бы со мной в телепорте не случилось, зато были мозги, которые и остановили меня.

Открыл дверь и вошел в этот дом. Кругом аномалии. У порога разлился бурлящий кисель; в комнате стояли его синие-зеленые едкие испарения. В углу рябила жарка. Из другой комнаты выглядывали электры. И счетчик Гейгера трещал, указывая на сильное излучение. Но это меня не остановило; я аккуратно прошел кисель вдоль полуразрушенной стенки и вышел из коридора на кухню. Здесь была сплошная рябь жарок. Даже кидать болт не решился – думал, что жарки здесь настолько сильные, что как только поднимутся огненные столбы, они сразу же сожгут этот дом. Странно, что из-за жара, ничего на кухне не закоптилось и не обуглилось.

Пошел дальше, попал в гостиную – огромную и высокую комнату, где абсолютно ничего не было, кроме облезлых стен и какого-то непонятного образования в центре, похожего не то на камень, не то на застывшую жидкость. Оно светилось черным цветом, а само было серым, с синими точками. Вокруг этого образования стоял синий свет, который тянулся к потолку и разветвлялся в разные стороны. С потолка на камень медленно, словно снежинки, падали бледно-серые искры. Зрелище было завораживающим.

Я прошел к этому образованию и протянул руку, потрогав его. Этот камень был теплым и немного мягким, точно пластилин. Я убрал руку, потому что дозиметр рядом с образованием буквально выходил из строя. И тут я понял, что оно мне напоминает слоновью ногу, что под саркофагом. Но сам этот синий свет, бледно-серые искры возродили в памяти рассказы про Исполнитель Желаний.

Никогда я не верил в эти сказки, придуманные каким-то треплом по типу Бена, думал, что это выдумки. И теперь я стою и не верю, что вижу самый настоящий Исполнитель Желаний. Именно так и описывали сталкеры его: светящийся валун. Но в этом еще нужно было убедиться.

Я заметил, что в гостиной звуки тише, чем обычно, и не понимал, с чем это связано. То ли уши заложило от чего-то, то ли из-за Исполнителя. Какое-то время ходили слухи, что возле него вообще звук по-другому воспринимается, как и окружающий мир. Какие-то голоса заглушали мои мысли и звук вокруг.

«Твое желание будет исполнено!» – вдруг пронеслось у меня в голове.

Я понял, что передо мной действительно аномалия, исполняющая желания. Меня на мгновение переключило. Я не ожидал что-либо услышать. Я больше не поверил тому, что мне кто-то что-то сказал, чем самим словам. Но я решил рискнуть и загадать желание. Вдруг оно исполнится?

Что ж, думаю, такой шанс выпадает раз в жизни. Нужно

загадывать желание. Но что загадать? Деньги? Они у меня есть. Если кончатся, сам могу заработать, это не проблема. Закончить все войны? Искоренить все болезни? Остановить голод? Я задумался. Зачем загадывать все это у высшей силы Зоны – если не Бога или вселенной, – если люди сами могут этого добиться? Люди сами начинают войны и сами их заканчивают. Болезни можно и лекарствами остановить, если бы они были, например: от рака... Но человек и сам может придумать и создать такое лекарство... А если Исполнитель меня не так поймет, и станет только хуже? Может тогда для себя что-то загадать? Получить власть, какой нет даже у Бога? Нет, он меня покарает за такое. Я слишком набожный человек... А может стать бессмертным? Тоже не то. Вдруг я от старости не умру, а от пули сразу же? А даже если я всех переживу? Как тогда быть? Я сойду с ума от одиночества. И тут я понял, что мои желания мелочны и материальны. Всего могу добиться сам, как и люди. Бессмертие как-то не хотелось, оно меня пугало больше смерти. Смерть воспринимается, как что-то естественное и обыденное, а бессмертие – как проклятье, а не чудо.

Я еще немного постоял и все же решился, что загадать. У моей жены были опухоли какие-то... Никогда не забуду, как она рыдала из-за того, что устала от них. Я ведь именно пришел в Зону, чтобы заработать денег на очередную операцию ей. Дома ребенок, который никогда не видит родителей, потому что отец в Зоне, а мать в больнице каждые два месяца.

Я был готов на все, лишь бы она вылечилась. Самому надоело, самому страшно от мук жены, не говоря уже о чувствах еще маленького ребенка. Теперь есть шанс это остановить и прекратить страдания. Все равно себе нечего загадывать. Но с другой стороны, я же сам только что подумал, что все болезни может и человек вылечить. Но сейчас... Мне хотелось, чтобы больше ее никакие хвори не тревожили, чтобы это все не повторялось...

А ведь так хочется загадать все богатства мира, власть, но в глубине души сидит мысль, разрывающая меня на две части. Мысль о больной жене. Я ее очень люблю и не могу просто сочувствовать ее болезни, а она не может ждать своей очереди на операцию, которых и так много было. Нет, определенно я загадаю исцеление своей жены. Плевать на это все богатство. Думаю, вернусь обратно в Зону и заработаю себе богатство. Говорят, здоровье не купишь. Как и счастье. Лучше как-нибудь помочь близкому человеку, чем в один прекрасный день подавиться деньгами.

Я подошел ближе к Исполнителю, набрал воздуха в легкие и, дрожа, заговорил, не веря, что загадываю желание у Исполнителя:

– Я хочу, чтобы моя жена исцелилась, никогда больше не мучилась и была счастлива.

«Ты обретешь то, что заслуживаешь!» – произнес тот же голос в моей голове. От этой фразы мне стало не по себе. Вспомнилась байка про сталкера, который убивал других

сталкеров и зарабатывал на этом кучу денег, пришел к Исполнителю и загадал богатство. Ну жадный был больно он. Исполнитель произнес точно такую же фразу, и сталкер ушел довольный на Большую землю. Сам он был старым, и у него было два взрослых сына, и оба – военные в Зоне, летчики. И получилось так, что они погибли во время крушения вертолета, потому что контролер, которого они перевозили, взял их за мозги и зомбировал. Вертолет упал, и сыновья-летчики разбились. Старому сталкеру, который в это время находился еще за пределами Зоны, пришла огромная выплата за них. Да такая, что ему на всю жизнь бы хватило. Вот Зона и исполнила его желание. Только на этом она не остановилась. После того как этот сталкер случайно в кисель наступил, он стал инвалидом, следом обанкротился, развелся с женой, а потом вообще переехал на улицу. Дожил свою гнусную и печальную жизнь на улице, в коляске, в потертом комбинезоне наемника – единственной одежде, которая у него осталась... Вот и все его богатство... Умер от туберкулеза... Даже страшно от таких последствий... Думал, как бы не повторить судьбу этого горемыки...

И вдруг синий свет вокруг камня поглотил мое тело, и бледно-серые искры полетели на меня, осели на одежде. Они приподняли меня над полом. Вдруг весь синий свет стал белым, а искры стали ярко-синими, начали слетать с моего тела и медленно опустили меня обратно на землю. Свет озарил весь дом, хотя мне казалось, что озарил всю деревню. Искры

стали примыкать к камню, и тот начал светиться. Я чувствовал, как мое сердце будто очищалось от дурных мыслей. Все чаще в голову стали приходить мысли, что с моей женой все хорошо.

«Твое желание исполнено!»

– Спасибо, – искренне произнес я.

Исполнитель начал тускнеть, но вдруг загорелся ярким белым светом, который был на улице. На секунду закружилась голова. Вообще ничего не видел, кроме белого света. Когда он рассеялся, я уже стоял в Припяти, возле кинотеатра, а на меня идет толпа зомби вперемешку с торсами и паразитами, и их месят палками с гвоздями мои товарищи, с которыми я пошел на охоту, а тот выброс так и не начался. И плоть рядом, без клешни, окровавленная и испуганная. Вот так вот...

– Тебя вернуло обратно? – спросил Атом.

– Да, – коротко ответил Гермес.

– А с женой что стало? Вылечилась?

– Да. Я, как только закончились эти рейды и все сталкеры стали возвращаться на свои бывшие территории, сразу из Припяти на Большую землю, домой, поехал. Приезжаю и узнаю, что ей сделали очередную операцию, после которой она сразу же восстановилась. Прихожу домой и вижу, что у нее аж глаза ожили и цвет глаз стал более ярким. Радует, обнимает меня и благодарит. Подбегает подросшая дочурка... Вся в мать пошла... Ну а я мысленно еще раз поблаго-

дарил Исполнитель.

– Слушай, Гермес, – начал Куб. – Ты сказал, что там звук тише. Может, его там вообще не было?

– Нет, он был. Я слышал треск дозиметра и свои шаги... Думаешь, что в лесу Исполнитель Желаний был? – в ответ спросил Гермес и поставил выпитую чашку на землю. Ему явно стало лучше, потому что он говорил более живым и здоровым голосом и не шмыгал носом. Он уже сидел на своем плаще, скрестив ноги, а не лежал.

Куб заметил улучшение состояния Гермеса и повеселел. Увидеть всегда больного сталкера здоровым – хорошая примета. Возможно, это знак того, что поход за артефактом успешно завершится, и Куб вернется с товарищами в лагерь с крупной добычей. Возможно, ему стало лучше от таблеток.

– Ну а что же еще? И голос, и тишина. Только слоновьей ноги я там не увидел, – сказал Куб.

Сталкеры посмеялись.

– Гермес, я слышал, что Исполнитель какую-то плату берет за исполнение желаний, да и ты сам рассказал старую байку про наемника, которого Исполнитель наказал за желание. Ничего такого не было? – спросил Атом.

– Конечно было. Это правда. Я сам после того случая болею раз в месяц. К тому же у дочери что-то нашли... Нужна дорогостоящая операция, чтобы ее вылечить. Эх... Чем я Зоне не угодил? Хотя, наверное, она от меня облучилась и чем-то заболела...

Сталкеры замолчали. Куб понимал, что Гермес сейчас рассказал то, что никогда и никому бы не рассказал, и что его история про Заповедник обросла новыми деталями. И, наверное, будет еще обрастать деталями.

Молчание прервал Атом:

– Но ты же собираешь деньги?

– Да. Это последняя ходка. Получу свою часть и как раз соберу. Я ж получу ее, Куб? – прищурил глаза Гермес.

– Конечно. Ты ж нам столько помог в этом походе. Получишь, будь уверен. Ты многим сталкерам помог. Ты не хвастун и не трус, как Бен, которому даже рубль жалко дать! Если бы не ты, мы бы не прошли так быстро так далеко. Думаю, Исполнитель со всех берет плату, и у тебя она оказалась еще маленькой. Хотя дочь...

– Не зря говорят, что ты честный сталкер, – хитро улыбаясь, сказал Атом.

– Поскорее бы вернуться обратно... – более грустно, не слушая товарищей, сказал Гермес.

– Ничего. Все нормально будет. Я в этом уверен, – произнес Куб, уверовавший в то, что видеть больного сталкера здоровым – тоже самое, что и найти четырехлистный клевер.

– Завтра посмотрим. Уже темно, поэтому давайте спать. В четыре утра пойдем на станцию.

2

Костер потух еще ночью, когда сталкеры только уснули, – дул сильный ветер. Первым встал от холода Гермес и сразу

же разбудил остальных. Ночь уже уходила. Сталкеры быстро собрали свои вещи и нехотя пошли в сторону четвертого блока. Небо постепенно розовело из-за появляющихся первых лучей солнца. Звезды медленно пропадали, приходили облака и тянули за собой пустой утренний холод и густой дым тумана. Незаметно оживала природа, просыпаясь от капель ледяной росы. Возле станции неожиданно сверкнула молния. Собирался дождь. Но грома не последовало. Со стороны Заповедника пришли зеленые мрачные тучи, которые перекрыли лучи и облака.

– Дождь, по-моему, не входил в наши планы, – сказал Атом, посмотрев на Куба. – Долбаная погода. Опять гроза! На прошлой же неделе все семь дней подряд не прекращалась!

– Если не выброс, – вставил Куб, хладнокровно восприняв слова друга.

Сталкеры много не прошли. У самого моста остановились, чтобы окончательно проснуться. Атом был мрачнее появившихся туч из-за погоды и недосыпа, он неаккуратным и дерзким движением поправил свой рюкзак, перевесил на другое плечо дробовик. Гермес прошел по дороге еще пару метров, остановился, достал карту и посмотрел в нее. Куб вновь осмотрелся. Изредка дул порывистый ветер, гудя на всю десятикилометровую зону отчуждения. Грязно-зеленые тучи встали над станцией и медленно поползли вдоль реки Припять. Ветер колыхал росший на обочине дороги высокий

ковыль и торчашую из асфальта желтую полынь, тревожил листву деревьев, сносил пыль со станции на сталкеров.

– Останавливаться из-за дождя нет смысла. До станции рукой подать, – сказал Гермес.

– Только если рука не километр, да? – с сарказмом спросил Атом.

– Да нет, осталось меньше половины километра еще на привале. – Атом прошептал мат. – Куб, готовь секатор. Пойдем не по дороге, а по прямой.

– Это как?

– Смотри, – начал Гермес, показывая другу карту, – мы можем прям здесь свернуть и пойти вдоль пруда-охладителя и ОРУ. Там, где пруд кончается, сворачиваем, срезаем проволоку и перед нами как раз будет саркофаг. Можно пойти мимо смотровой площадки, но это будет долго и опасно. Можем на фанатиков или зомби нарваться. Прямой путь – это через ОРУ.

– Но возле ОРУ электричества, а у самого саркофага радиация сильная, – возразил Куб.

– Мы поднимемся на теплотрассу и по ней взберемся на крышу, там через пробоину в конфайнменте зайдём в саркофаг, – пояснил Гермес.

– И там будут поля артефактов? – не унимался Куб.

– Да. Но это не точно. Зато поля аномалий гарантированы!

– Что-то мне оба пути не нравятся, – сказал Атом.

Гермес повернулся к нему и злобно произнес:

– Есть еще варианты, как подойти к саркофагу? Не нравится – предлагай, умник хренов!

– У меня защиты от электр нет! И своим дробовиком я с фанатиками ничего не сделаю.

– А нахер ты в куртке в центр Зоны поперся?!

Атом промолчал.

– И у тебя еще самое хорошее оружие, в отличие от нас.

– А откуда мне знать, что здесь на станции? Может, тут тишина, как на Свалке? В Зоне же всякое бывает.

– Совсем придурок? Здесь уровень радиации за тридцать лет практически не упал, а ты думал, что это деревня новичков?!

– Я не знал, что здесь настолько опасно.

– А что ты вообще знаешь? Здесь тебе не Болота, это Зона!

– Тихо! – крикнул Куб. – Возле стелы кого-то вижу!

Сталкеры тут же ушли с дороги и спрятались за зарослями на бетонном склоне у пруда-охладителя. Гермес и Куб приготовили свои автоматы, а Атом принялся высматривать в бинокль фигуру, которую заметил его товарищ. Пока что никого видно не было, человеком не пахло, но напряжение только возрастало от этого. Еще туман мешал видеть. С каждой минутой он только сгущался, образуя серую и плотную пелену, закрывающую всю станцию от сталкеров. Только тень трубы осталась и свет прожекторов, стоявших у стелы.

Сверкнула молния над станцией, пошел сильный дождь.

Болотные облака полностью закрыли небо. Было тепло и холодно одновременно. Сталкеры прижались к растительности, чтобы немного спрятаться от воды, льющей на них как из ведра. Молнии стали сверкать часто, но пока что только за станцией. Страшно потемнело. Туман превращался в дым, поднимаясь теперь над землей. Куб и Гермес лежали в кустах, выставив автоматы на дорогу. Атом стоял возле дерева и смотрел в бинокль, игнорируя дождь, как будто на нем прорезиненный и теплый плащ-дождевик с глубоким капюшоном, а не обычная косуха без капюшона и балаклава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.